

ОДЕССА ПЕЛА И ТАНЦЕВАЛА

Одесса с самого своего рождения была особым городом. Так, здесь не действовало крепостное право. Бежавшие из дальних губерний крестьяне получали в Одессе права вольных жителей. Казаки, запорожцы, матросы, оставшиеся на жительстве в Одессе, — все становились вольными. А вместе с ними жили иностранцы — французы, греки, итальянцы, болгары, турки арнауты (арнаутами турки называли албанцев). Вот откуда одесситы отличаются своим особым свободолюбием! И вот почему им Париж всегда был милее, чем Москва или, тем более, Киев!

Некоторые считали, что Одесса была больше иностранным городом, чем русским. Это было и так, и не совсем так. Здесь гармонично сочетались нравы многих народов. Греческие и албанские поселенцы, немцы, швейцарцы — колонисты, французы, итальянцы, евреи, караимы составляли не основное население. Деятельность порта и зарубежная торговля — действительно, все это находилось в руках иностранцев. Но вся внутренняя торговля была уже русской. Очевидцы вспоминают, что большая часть населения была русской — все чиновничество, простые работники были русскими. Первые купцы — тоже русские. Сам основатель Одессы Иосиф де-Рибас был искренним приверженцем всего русского. Удивительно, но факт: из-за границы он в Одессу не призвал ни одного иностранца! Свои приказы де-Рибас издавал исключительно на русском языке. Вот как писал в своей книге Александр Дерibas (потомок основателя города) об этом одесском времени: «Между всеми народностями, населявшими тогда Одессу, царила такая искренняя веротерпимость и такое человеческое понимание друг друга, что все чувствовали себя в новонародившемся городе, как у себя на родине». И далее: «Уместно будет сказать, что в Одессе русский язык был таким же общеевропейским языком, как французский. *Чтобы понять друг друга надо говорить по-русски.* Грек не мог бы понять француза, как итальянец не мог бы понять немца, если бы каждый из них не научился говорить по-русски». Смесь почти всех европейских народов иначе просто не смогла бы общаться между собой.

Сегодня грустно смотреть, как пытаются переписать историю Одессы, вытеснить русский язык, который для коренного населения является родным изначально! Украинский можно услышать на Привозе и на других рынках, где торгуют приезжие продавцы из сельской местности и других областей Украины. Украинский язык одесситы никогда не отторгали. Он соседствовал на правах братского. Но язык — это как паспорт, сразу видно кто ты есть. Тем более, что русский язык в Одессе — это не просто русский, его точнее бы было назвать просто

одесским—настолько он отличается от «классического» русского. Как же можно отказываться от языка предков?! Печальная затея.

Молодая Одесса уже к середине девятнадцатого века становится главным культурным центром юга России. Театры, опера, талантливые музыканты, свои и европейские,—все это появлялось вместе с развитием города. Одесситы любили праздники, шумные гулянья, фейерверки. Признанными местами гулянья были Приморский бульвар и дача Ланжерона. Молодая Одесса в полном смысле пела и танцевала. Александр Дерибас: «Проходя по Дерибасовской вечером мимо дома Черепенникова, можно было услышать раздававшиеся снизу, из французского погреба шабских вин, звучные голоса, хором исполнявшие застольные песни французского народного поэта Беранже. Запевал сам хозяин—Корэ. Вино было хорошее, неподдельное, и дешевое. Песни разливались в погребе так же свободно и задуще, как лилось вино. Винный запах прохладного погреба. Шум улицы где-то вдали наверху. А здесь тишина и душа нараспашку!». По некоторым данным, речь идет о погребе, где теперь находится известный Гамбринус. Заметим, что *Гамбринус*, описанный Куприным, находился тогда на Преображенской улице.

В советское время Гамбринус вновь был открыт—на Дерибасовской. Автор имел честь там бывать.

Еще в студенческие годы проходили мы вместе с другом Пашкой в Одессе практику на авиаремонтном заводе (бывший «Анатра»). После окончания стали домой собираться. Купили билеты, стоим на вокзале и думаем: куда девать два с половиной часа времени, которые остаются до отправления поезда? У меня простая идея: «Паша, за то время, которое мы были в Одессе, я даже не сумел тебе показать знаменитый «Гамбринус». В Одессе был, а «Гамбринуса» не видел, стыдно, брат. Туда—обратно: полчаса, пусть час. Час посидим и еще полчаса—в запасе».

И вот мы на Дерибасовской. Спускаемся вниз по лестнице погреба. Не успели рассмотреть сквозь табачный дым зал, как из-за стола, расположенного—заметьте, не рядом, а где-то посередине зала поднимается мужик в капитанской фуражке (пошив фирменный—салон на Ришельевской) и машет нам руками, мол: «Рули сюда, братва! Держу место, только для вас». По-видимому, его привлекла наша военная форма. А зал, действительно, заполнен под завязку, как всегда. Подходим. И что вы думаете: мой Пашка и этот—в капитанке—обнимаются, как братья, пути которых случайно пересеклись после двадцати лет плавания в разных акваториях мирового океана. А ведь впервые увидели друг друга. И главное, я точно знаю, что Пашка сегодня еще совсем не пил. Да и капитан этот тоже вроде не сильно в подпитии. Так, слегка. Но не до уровня: «Ты меня уважаешь?» Ну, ладно, сели, заказали пива, рыбное ассорти. Причем капитан за себя сам заплатил, и даже пытался нас угостить.

Сидим, отдыхаем. Душу обволакивает хмельная расслабляющая атмосфера. Скрипач Сашка (после Куприна здесь всех скрипачей иначе не зовут) душу выворачивает. Голосом человеческим поет скрипка. Поет и плачет. Эх, гуляй, душа. Всплывает неодолимое желание перевернуть в этой жизни все к чертовой матери, сделать решительный шаг—бросить все и уехать куда глаза глядят. Начать жизнь новую, вольную, когда никому и ничем не обязан. И чтобы морской простор, и ветер в лицо! И дальние страны впереди...

Мягкая, загадочная мелодия манит и убаюкивает. Пашка с капитаном увлеченно толкуют «за жизнь». Посмотреть со стороны—сидят два старых закадычных друга, знакомых с незапамятных времен. О чем это они? Похоже, разговор надолго. До меня начинает доходить, что просто так нам отсюда не выбраться. Гамбринус не такое место, куда забегают выпить кружку пива, чтобы бежать дальше. В его атмосферу не окунаются, а ныряют для того, чтобы выплыть через много-много часов. И Пашка—он такой человек, человек настроения. Это я рационалист. Я могу все рассчитать и держать ситуацию под контролем. А Пашка—он сам не знает, что выкинет через пять минут. В особенности, если гулять начинает. Недаром он заядлый игрок. Во что угодно: в карты, на ипподроме, даже в лотерейные билеты. Он, если идет париться в Сандуны в компании, то уж с утра—и пока не выгонят.

До поезда менее тридцати минут. А Пашка заупрямился: «Езжай один, я здесь остаюсь». Еще и капитан поддакивает: «У меня будет жить, квартира хорошая». И ведь, кроме пива, больше ничего не пили. Не пьян он, просто душа загуляла. С превеликим трудом мне удалось друга от капитана оттащить. Силой. На поезд мы успели, хотя и с большим трудом. Только в вагон вошли, поезд и тронулся. Вот что такое Гамбринус. Мы отвлеклись. Вернемся к основной теме.

...Экспансивно пели итальянцы в своих винных погребах на Греческой улице. Вся Греческая была изрыта этими погребами с извилистыми «минами». Раньше в них пряталась контрабанда: бочки вина, оливкового масла. Потом в них стали открываться распивочные заведения—благо там было прохладно, тихо и уютно. Наиболее популярным погребом в Одессе считался тот, что принадлежал итальянцу Пиемонта Тадеи. Находился он в доме Парижской гостиницы. Здесь собирались артисты, хористы и музыканты городского театра.

Самым известным персонажем итальянских погребов был великолепный музыкант, играющий на мандолине—лысый старичок, всегда пьяненький, придурковатый и за это итальянцами прозванный Починтеста—«мало в голове».

В Одессе всегда благосклонно относились к уличным сумасшедшим, справедливо считая их не столько безумными, сколько блаженными. В начале 50-х годов столетия двадцатого на Пересыпи жил

известный «Миша на голе» — так он сам себя звал. Его можно было встретить в любом конце Пересыпи, ходил он всегда вместе со всем своим нехитрым скарбом — небольшой мешок и балалайка без струн. Его подкармливали, с ним разговаривали — спокойно, как с ребенком. Никто его не обижал, иногда глупые дети пытались дразнить, но их одергивали. Где он ночевал и зимовал — никому не было известно.

В старые времена — в середине века 19 — шумными и богатыми были одесские рынки: Греческий, Старый и Новый. От греческого шел аромат южных экзотических фруктов, привезенных из Барселоны, Кипра, Хиоса, Яффы и Смирны. Поверит ли кто сегодня, что когда-то в Одессе помидоры были редкостью? Их привозили небольшими партиями из Италии. А ныне знаменитые одесские «синие» — баклажаны (маленжаны) ввозились из Турции.

То было золотое время Одессы. Появлялись знаменитости. Собирался отплыть на гастроли в Константинополь одесский скрипач Консоло. Спешил в школу Моранди — преподаватель искусства живописи, тогда еще жандарм Вилье де Лиль-Адан. Невнятно бормоча что-то под нос, шел в лавку Нового базара уникам-самоучка блистательный математик Штейн.

Под стеклянным куполом в хрустальном дворце базара обитали портовые рабочие, шулера, студенты, проститутки, спившиеся журналисты, взятые под покровительство самым удивительным в мире ростовщиком Мойшей. Он часто ссужал их деньгами в рост, но зато никогда не требовал отдачи долгов. На бульваре астроном Карассо давал всем желающим посмотреть в свою подзорную трубу.

Состоятельная публика шла в рестораны Бродской, Косты, Дофине, Лателе, Железнова, Оттона, Камбье (названию его ресторана «Аркадия» обязана известнейшая приморская зона отдыха).

Градоначальник Казначеев прославился тем, что при нем пропала сигнальная пушка с бульвара, которую он, несмотря на титанические усилия по розыску, так и не обнаружил. Что ж, такого рода пропажи в дальнейшей истории города происходили неоднократно.

Для интересующихся историческими деталями.

Литературная жизнь Одессы века девятнадцатого.

Литературные Листки, прибавление к «Одесскому вестнику»

С 1 января 1833 года по субботам стали выходить «Литературные Листки, прибавление к «Одесскому вестнику», издаваемые Михаилом Розбергом. В них печатаются литературные произведения, отрывки из описаний путешествий, статьи об обычаях, анекдоты. Стоимость годовой подписки составила 20 рублей для одесситов, иногородним пришлось сверх того доплачивать по 5 рублей. Первый номер вышел на 10 страницах со следующими разделами: Наука, Словесность, Стихотворения и Смесь. Постараемся вкратце охарактеризовать каждый из них,

чтобы современный читатель мог составить мнение о первом опыте создания в Одессе научно-литературного сборника в виде приложения к газете.

Научные статьи, как правило, открывали номер. Раздел «Наука» в 1833 году содержал 16 статей, в большинстве случаев переведенных из французских и немецких журналов на естественнонаучные темы: «О всеобщем противоположении в природе или полярности» (№15), «О современном состоянии естествознания в Германии» (№21). Здесь же напечатан религиозный трактат местного дипломата и литератора по политическим и религиозным вопросам Александра Скарлатовича Стурдзы (1791-1854) «Вера и Ведение», две статьи французского писателя и поэта Пьера Симона Балланша (1776-1847) «О слове и языке вообще» (№23) и «Теория слова» (№37-40).

Весьма любопытны статьи с изложением новых для того времени идей: «Взгляд на некоторые события всемирной истории», «Универсальная физика и система оной» и др.

Раздел «Словесность» представлен произведениями, в основном французских писателей «романтически-ужасной школы». Две увлекательные повести Оноре де Бальзака «Три сестры» и «Узник», военный рассказ графа Альфреда де Виньи в переводе М. Розберга. «Лоретта, или Красная печать», повесть «Картезианский монастырь» из путевых воспоминаний Александра Дюмаса (так тогда писали фамилию плодovitого французского романиста А. Дюма), его же повесть «Маскарадный бал на масленице», «Клементина» Карла (Шарля) Нодье и др. — таков спектр сочинений, предложенных «Литературными Листками» любителям изящной словесности.

Завершает каждое прибавление раздел «Смесь», где напечатаны анекдоты, мысли и замечания из Жан-Поля Рихтера, мысли из Гете. Занимательны короткие статьи: «Наполеон на поле сражения в Испании».

В 1834 году в прибавлении появились «Моды с приложением рисунков». Редакция обещала, «что будут прилагаться картинки дамских мод с описанием на французском и русском языках. Картинки сии получают в Одессу прямо из Парижа, и никаким другим путем жители Одессы и Новороссийских губерний не могут их иметь скорее». «Одесский вестник», печатая обзор новогоднего бала 31 декабря 1836 года, писал: «Все, что только производит в области мод утонченная роскошь берегов Сены, все было собрано здесь в самом изящном разнообразии». Одесса всегда шикарно одевалась. Не отсюда ли потянулась одна из нитей к названию «Одесса — маленький Париж»?..

В 1834 г. «Литературные Листки, прибавление к «Одесскому вестнику» прекратили свое существование.